

Новогодняя
комедия

Алина Кускова

ВАМ ХОРОШО,
ПРЕКРАСНАЯ
МАРКИЗА?

Новогодняя комедия

Алина Кускова

Вам хорошо, прекрасная маркиза?

«Автор»

2014

Кускова А.

Вам хорошо, прекрасная маркиза? / А. Кускова — «Автор»,
2014 — (Новогодняя комедия)

Старый актер Заславский и молодой костюмер Катя подписали договор, по которому новогоднюю ночь они обязались провести в поместье богача Давыдова. Катерина должна изображать перед гостями его жену, а Заславский – ее отца. Старый актер быстро прикинулся маркизом и начал чудить в свое удовольствие. Кате повезло меньше – она... влюбилась в Давыдова! Целоваться и обниматься на публику с лжемужем оказалось безумно приятно. Но ведь контракт скоро закончится – и, ничего не поделаешь, с прекрасным Давыдовым придется расстаться. Неужели новогодняя ночь не припасла для влюбленной Кати сказочного сюрприза?

© Кускова А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алина Кускова

Вам хорошо, прекрасная маркиза?

© Кускова А., 2014

© Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Глава 1

Все хорошо, прекрасная маркиза, Дела идут и жизнь легка

В декабре в театре всегда витал запах мандаринов. По утрам проводили новогодние утренники, на которых детям в театральном фойе, где установили огромную наряженную елку, упирающуюся макушкой в потолок, вручали подарки. Они, возбужденные и восторженные, тут же на месте разрывали красочные упаковки и, как саранча, поедали сладости и фрукты. А потом, довольные, сидели на спектакле и хлопали в ладоши. И это создавало необыкновенно праздничную атмосферу, одновременно уютную и торжественную.

Я пробиралась к Заславскому, чтобы позвать его на последнюю примерку фрака, в котором он должен был играть вечерний спектакль. Навстречу бежала толпа дошкольников. С криками:

- Не так! Не так! Ты пел неправильно про елочку!
- Плохой Дед Мороз!
- Он ненастоящий!

Впереди детей бежал запыхавшийся Заславский, поддерживая полы длиной красной шубы. Я поняла, что он по традиции переврал слова известных детских песен, за что ему досталось от ушлой ребятни. Да, у нас замечательные артисты в театре! Ну есть у них свои маленькие слабости. Пожилого актера подводила память. Но на взрослых постановках он всегда выкручивался, заменяя забытые фразы на схожие реплики из разных спектаклей и фильмов. С детскими так не получалось, за что Заславский и получал. Я встала впереди бегущей на меня детворы и заслонила от них артиста. Пока за углом он отдышался, я сказала детям, что настоящий Дед Мороз только что зашел в зрительный зал. И они дружно побежали туда.

Заславский поблагодарил меня и поклялся, что это был последний спектакль в его жизни.

А вечером состоялась демонстрация на сцене первого сшитого мною фрака. Ну почти только одной мной. Ведь я тоже много сделала, чтобы он появился на Заславском.

- Лорд Гринворд, что с вами?
- Леди Риана, я болен!
- Ах, лорд Гринворд, насколько серьезен ваш недуг?!
- Леди Риана, он разбил мне сердце! Парализовал душу, атрофировал мозги.

Бум-с! И лорд Гринворд припадает на колено, одной рукой держась за сердце, а вторую протягивая леди Риане. Я вздрагиваю, вспоминая, как в прошлый раз Заславского прихватил радикулит и пришлось вызывать «Скорую помощь».

- «Я старый солдат и не знаю слов любви»...

Фраза из другого спектакля – Брэндона Томаса «Тетка Чарлея».

О! Только этого не хватало! Заславский снова забыл текст и занялся самодеятельностью. Привычка цитировать фразы из известных кинофильмов и спектаклей скоро выйдет ему боком. Режиссер его убьет. Нет, скорее, уволит, что грозился сделать пару дней назад. И кому будет нужен шестидесятилетний артист, умеющий только паясничать на сцене? Мне искренне жаль Заславского, хоть артист он средний, но человек-то хороший.

- Катерина, вот ты где...

Ко мне за кулисы подплыла Ванда Вольфовна с неизменной сигаретой в зубах. Сигарета ненастоящая, эрзац, моя руководительница и по совместительству главная костюмерша театра в который раз бросала курить.

- «Я старый солдат и не знаю слов любви»...

Его что, заклинило?!

– Старый дурак, – ехидно бросила Заславскому на сцену Ванда Вольфовна и улыбнулась. Сигарета при этом грозила вывалиться, но чудом удержалась в ее желтых зубах.

– Старый дурак, – повторил за ней Заславский и повернулся в нашу сторону.

Ванда Вольфовна знала реплики наизусть. Ее покойный муж, которого я в живых не застала, подрабатывал написанием сценариев. И этот спектакль о неземной любви старого лорда и пожилой леди сочинил именно он.

– Я старый дурак, – ехидничала Ванда Вольфовна, оттягивая подсказку.

– Я старый дурак, – покорно повторил Заславский, понимая, что угодил в ловушку.

– «И готов бросить к вашим очаровательным ножкам весь мир», – процитировала, смягчаясь, Ванда.

– Я готов забросить весь мир...

Заславский в своем репертуаре! Опустил пару слов, и фраза приобрела совершенно иной смысл.

– Ноблесс оближ, леди Риана. Перевожу – благородство обязывает.

– Вы весьма благородны, лорд Гринворд...

– Катерина, пойдем!

– Еще немного, Ванда Вольфовна! Еще чуть-чуть, – прошу я.

Нет, не из-за Заславского, безбожно перевирающего дальше текст, я хотела задержаться за кулисами. Тот, на кого я время от времени поглядывала, сидел в первом ряду зрительного зала и не сводил со сцены глаз. Серых, стальных, пронзительных. По большому счету, этого парня красавцем назвать можно было с большой натяжкой. Но что-то особенное и демоническое в нем явно присутствовало. Я заметила, что приходил он третий вечер подряд и неотрывно смотрел на актеров. Завзятый театрал? Вряд ли. Нормальный человек не пойдет третий раз на одну и ту же дурацкую постановку. Тем более что перед Новым годом полно премьер! Ох, извините меня, Ванда Вольфовна, но ваш муж шедевры явно не писал. Парень влюбился? Но в кого? В леди Риану? Ей тоже под шестьдесят. Ну не в Заславского же, в самом деле! Хотя между репликами леди Рианы и лорда Гринворда, появлялась смазливая горничная. Но я в третий раз внимательно наблюдала за реакцией сероглазого парня. Нет, не ради нее он здесь сидел.

– Катерина, пош-ш-ш-ли, – зашипела позади меня Ванда Вольфовна и потянула за блузку.

Я любила торчать за кулисами и наблюдать не за игрой актеров, а за тем, как на них смотрят мои костюмы. Вообще-то я хорошо шью. Крою тоже сама. Всему этому меня научила бабушка, проработавшая всю сознательную жизнь в ателье женской одежды. Мама науку кройки и шитья постигать не стала, она работала экономистом, но всю жизнь мечтала о сцене. Благодаря ее связям я попала в этот театр. Благодаря Ванде я попала не на сцену в качестве статистики, а в пошивочный цех. Конечно, про цех это я слишком громко сказала. Мы обитали в двух больших комнатах, одна из которых была гардеробной, забитой сценическими костюмами.

Кинув последний взгляд на сероглазого, мучимая догадкой, что же ему на самом деле нужно в нашем средненьком театре, я пошла следом за Вандой. Мне предстояло отгладить костюмы к следующему выступлению. На этот раз на сцене собиралась блеснуть красотой и изяществом форм наша прима. Но не о ней речь.

Если кто-то подумал, что я завидовала ее красоте, то ошибся. Безусловно, я не являла собой образец Музы Микеланджело или красотку Мэрилин Монро, но определенный шарм у меня был. В результате чего к двадцати восьми годам у меня в наличии имелось дважды разбитое сердце, один вялотекущий роман и масса надежд на светлое будущее.

Гримерка Заславского по иронии судьбы располагалась как раз напротив нашего пристанища. Профессионально орудуя утюгом, через полчаса я услышала его зычный бас, от которого дребезжали тонкие стенные перегородки:

– Пшел к черту, Богомольцев! Умри, несчастный! Я все сказал.

Хлопнула дверь, погас свет... У нас всегда гас свет, когда кто-то хлопал дверью. Я не понимала связи между этими двумя явлениями, но она определенно была. На всякий случай отключив утюг, я вышла в коридор. Там, грозно размахивая кулаками в сторону двери Заславского, стоял режиссер Богомольцев.

– Собирай свои манатки и проваливай! – кричал он, обращаясь непосредственно к двери. Дверь многозначительно молчала.

Увидев меня, Богомольцев едва не задохнулся от ярости, гикнул и понесся вскачь к выходу. На мгновение в коридоре воцарилась зловещая тишина. Я испуганно прислушалась, не раздастся ли щелчок курка пистолета. Заславский грозился покончить жизнь самоубийством, если его выставят из театра. Мне было б его жаль.

Я постучалась к нему.

– Изыди, сатана!

– Это не сатана, Иван Сергеевич, это я, Катерина.

– Катерина? – трагически простонал актер. – Тогда входи!

Мужчины довольно непредсказуемые создания, я это знала. Но каждый раз сомневалась. Вот и уволенный Заславский представлялся мне стоящим у окна с приставленным к виску пистолетом. Наяву он сидел в кресле и наливал себе водки в большой граненый стакан.

– Может быть, не надо? – тоскливо поинтересовалась я, собираясь начать успокаивать человека.

– Надо, Катя, надо, – тоном Гамлета произнес Заславский и поднес стакан ко рту.

И тут в дверь постучали.

Интеллигентно так постучали, можно сказать, что поскреблись. Мы с Иваном Сергеевичем напряглись. В нашем театре так никто не мог просить разрешения войти. Значит, гость был пришлый, не от мира сего и, чем черт не шутит, вполне возможно – поклонник Заславского. Давненько их не было у старого актера. В таком случае можно было привести Богомольцева и ткнуть поклонником в его наглуую морду, указав, как народ любит и ценит Ивана Сергеевича.

– Все хорошо, прекрасная маркиза, – пропел Иван Сергеевич, подмигивая мне.

– Дела идут, и жизнь легка, – подпела ему я.

Мы переглянулись, и я толкнула дверь, открывая ее.

Каково же было мое удивление, когда на пороге показался сероглазый!

Неужели я обманулась насчет великих талантов Заславского?! Этот симпатичный проницательный парень приходил на спектакли ради Ивана Сергеевича?! Давно пора научиться разбираться в людях, мир на самом деле не так жесток...

– Добрый вечер, – сказал сероглазый и приподнял бровь, глядя на меня.

– И вам того же, – хмыкнула я, стараясь не волноваться.

Есть у меня такая глупая привычка. Если мужчина мне нравится, то я начинаю краснеть, бледнеть и даже дрожать. Но если мне все равно, какие у него глаза, то ничего подобного не происходит.

– Давыдов, – представился он, протягивая руку Заславскому.

– Заславский, – пожал ее тот.

– Очень приятно.

– Весьма признателен.

Мужчины, они такие... мужчины.

– Я хотел бы поговорить с вами на довольно щекотливую тему, – начал Давыдов и покоился на меня.

– Баронесса! Пошла вон!

Смотрели оперетту Иоганна Штрауса-сына про летучую мышшь? Так вот эта фраза оттуда. И на этот раз она относилась непосредственно ко мне.

– Так нечестно, – заявила я упрямо. – Отсылать меня на самом интересном месте!

– Боюсь, – прищурился Давыдов, – вас мое предложение не заинтересует.

– А вы не бойтесь, – подсказала я ему, – говорите.

– Катерина! – повысил голос Заславский. – Я что сказал? Придешь позже.

Конечно, у меня было чувство гордости и все такое. А еще мне очень нравился Давыдов. Нет, не до такой степени, чтобы я увидела его и сразу безоглядно влюбилась. Но захотелось постоять рядом с ним подольше, вдыхая аромат парфюма для настоящих мужчин. Его еще рекламировали по всем телеканалам. Парфюм, конечно, рекламировали, а не Давыдова. Хотя я б на месте рекламщиков задумалась над этим вариантом.

– Позже это когда? – ненавязчиво, как мне показалось, спросила я.

– Когда мы завершим наш разговор, – вместо Заславского ответил Давыдов.

– Тогда одна нога там, другая здесь? – игриво попятилась я к двери.

– Обе – там, – рявкнул в нетерпении Заславский и выставил меня за дверь.

А я еще пришла ему посочувствовать!

Мир жесток и несправедлив. Особенно жестоки некоторые особи мужского пола, возмнившие себя непревзойденными красавцами! Нет, определенно в Давыдове что-то было, что цепляло и не отпускало, как липкая лента наивную муху.

Вот женский мир гораздо умнее и изворотливее мужского. Я громко для вида топотала, показывая вид, что ухожу навсегда, а сама тем временем припала к замочной скважине. Хорошо, что двери, как и сам театр, были старые и такие древние, что еще помнили Гражданскую войну. Воевать я не собиралась, без меня как-нибудь обойдутся, а вот послушать, о чем мужчины будут говорить, мне захотелось до умопомрачения. Когда меня одолевало любопытство, то я, как всякая нормальная девушка, теряла над собой контроль.

– Мое положение обязывает... ш-ш-ш-ш-ш...

– Мне нужно подумать... ш-ш-ш-ш-ш...

– Времени мало... ш-ш-ш-ш-ш...

– Пять минут... ш-ш-ш-ш-ш...

Шептуны, блин! Я досадовала, что половину услышать не смогла. А наверняка-то дело стоящее, иначе бы Заславский вообще не думал. Он и мозги – это разные категории человеческого бессознательного. М-да, иногда я могу завернуть такую заумную фразу, что сама ее не понимаю. Ну, в общем, вы меня поняли...

– ...ш-ш-ш тысяч...

– Хорошо! Я согласен! – внезапно прогремел голос Заславского. – Ваши доводы кажутся мне довольно убедительными.

На что он подписался?! Почему так быстро сдался? Сумма слишком велика? Ох, Иван Сергеевич, большие деньги приносят большие беды, вам ли этого не знать...

– Тогда мне еще нужна жена, – решительно сказал Давыдов.

О, эту фразу я слышала отчетливо.

– Ваша дочь, – уточнил он.

– Моя дочь?! – задумался Заславский.

Я поняла, что ничего не поняла. Откуда у закоренелого холостяка Заславского дети? Возможно, я просто мало о нем знала. Вдруг он не холостяк, а разведенный? И у него в наличии пять бывших жен и куча детей, мал мала меньше. Ванда Вольфовна говорила, что Заславский всю жизнь любил только ее одну. С его стороны это была жертвенная любовь без взаимности. Впрочем, моя наставница признавалась, что поначалу взаимность была, и какая! Их с Иваном Сергеевичем уносило на волнах безумия в мир страсти и грез. Но потом Заславский как-то

после спектакля остался наедине с поклонницей, а затем после еще одного спектакля со второй... Ванда Вольфовна его бросила и вышла замуж за другого.

Я бы на ее месте точно так же поступила. Ненавижу измены.

Тогда получается, что одна поклонница родила ему дочку, затем вторая...

Только сколько ж тогда дочкам лет-то, если драма разыгрывалась во времена молодости Заславского и Ванды? Дочери должны быть ровесницами моей мамы. А Давыдову на вид не больше тридцати лет. Или больше, и он просто хорошо сохранился?

– ...найти жену нелегкая задача, – услышала я из уст Заславского. – Это будет стоить...

Заславский торгует собственными дочерьми?! Лицемер. Лизоблюд. Или это не то определение? Короче, сволочь он порядочная. Бедные тетки, они не знают, какой им достался отец-работоговец!

– Цена не имеет значения, – перебил его Давыдов. – Но у меня к ней есть определенные требования. Она должна быть красива, умна, воспитанна...

О, меня прямо описывал.

Я немного помечтала, что стану делать, если Давыдов внезапно сделает мне предложение руки и сердца. У-у-у-у-у, я раздумывать не стану. Сразу соглашусь. Сначала соглашусь на всякий случай, а потом уже подумаю, и если что, откажусь. Отказаться всегда можно. Вот и меня бросали двое идиотов прямо у порога загса. Только я о них не жалела, спустя время поняла, что судьба меня таким образом оберегала.

Первый раз я согласилась выйти замуж в семнадцать лет назло маме. Мы с Петькой пришли в загс, где нас огорошили новостью, что расписывают только с восемнадцати. После чего Петька решил не ждать целый год, а жениться на девятнадцатилетней Ксюхе. Я всю ночь прорыдала в подушку, проклиная всех Петек на свете, а на следующий день познакомилась с Толиком. С ним роман продлился три года. После чего он ушел в мужской монастырь. Помню, как ко мне прибегала его мама и орала, что я испортила ему мнение о человечестве в целом, и требовала вернуть сына в лоно семьи. Но Толик так и остался невозвращенцем. Третий мой роман даже вспоминать не хочется. Собственно, его как бы и не было. Мы переписывались в социальных сетях, собирались встретиться в реале, но так и не собрались...

– Катерина! – заорал вдруг Заславский и распахнул дверь.

Я едва успела отскочить.

– Катерина!

– Здесь я, Иван Сергеевич.

– Подслушивала?!

– Еще чего! К вам шла. Вы уже закончили?

– С тобой мы только начнем.

Что бы это могло значить?

Я зашла в гримерку и осмотрелась. Давыдов вальяжно развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и внимательно разглядывал меня, словно собирался заполучить в полную собственность.

– Мелковата, – поморщился он.

– Катерина, встань боком, – скомандовал мне Заславский и хлопнул по моей выпирающей попе.

Да, с этой частью тела у меня нет никаких проблем, как у Дженифер Лопес. Я ударила Заславского по наглой руке. Ненавижу, когда меня трогают все подряд.

– Я говорил относительно верхней части тела, – усмехнулся Давыдов.

Значит, нижняя его устраивала?! Вот гад!

– Что вы себе позволяете? – возмутилась я.

– Я позволяю себе выбирать, – нахально ответил он, – за вознаграждение.

– Я не продаюсь!

– Неужели? – и он назвал сумму.

Я тут же вспомнила анекдот в тему.

Королева спросила у Шекспира, правда ли, что он считает, будто все женщины продажны. Шекспир ответил, мол, да. Тогда королева попросила назвать, во сколько он ее оценивает. Шекспир назвал. Ей не понравилось, уж слишком мало, сказала она. «Вот, – ответил Шекспир, – вы уже и торгуетесь».

То, что сумма была равна моему годовому доходу, я пропустила. То, что мне надлежало за эти деньги делать, тоже. В голове крутился только один вопрос, а где все это время, пока я буду куплена, будет сам Давыдов?

– Разумеется, я не стану торговать своим телом, – начала я.

– Ваше тщедушное тело никого не интересует, – заявил Давыдов.

– Как?! – возмутилась я. Ему же понравилась моя попа! Я видела! Не слепая.

– Катерина, – встрял Заславский, – вопрос в другом.

– В чем же?

– В блестящем актерском исполнении ролей, – горделиво выдохнул Заславский.

– Но я не актриса, – я пожала плечами. – Что я могу исполнить?

– В том-то и проблема, – процедил Давыдов.

И я поняла, что его теряю.

Вот отчего-то пришло понимание того, что именно этот мужчина мне нужен до зарезу. И если он сейчас встанет и уйдет, моя жизнь лишится чего-то важного, большого и безумно красивого. Казалось, просветление произошло в моей голове, все мои романы-не-романы-влюбленности вдруг сразу обесценились. Мне стало страшно – я влюбилась. Обычно я этому радовалась. Но на этот раз...

На этот раз все было по-другому.

Давыдов сидел, смотрел на меня, усмехался...

Но уходить не собирался.

Я с облегчением вздохнула и уселась напротив него на стул. Заславский встал рядом с нами и сложил руки на груди, словно собирался исполнять трагическую роль.

– Катерина, – сказал Заславский хорошо поставленным басом, – ты согласна стать женой господина Давыдова?

– Да! – ответила я, не задумываясь.

– Поразительная беспечность, – пожал плечами Давыдов, округлив серые глаза.

И тут я поняла, что должна совершить неординарный поступок. Взяла со стола стакан водки и залпом выпила. По организму мигом растеклась обжигающая жидкость с дурным запахом и вкусом, которого я, впрочем, толком не почувствовала. Всегда удивлялась тому, как можно по доброй воле пить подобную гадость. Сидела пару минут и глотала ртом воздух гри-мерки, стараясь, чтобы глаза окончательно не вылезли на лоб от адской мешанины, случившейся у меня внутри.

– Она алкоголичка? – пренебрежительно поинтересовался Давыдов.

Я поняла, что мой подвиг его оставил совершенно равнодушным. Другими словами – я его потеряла.

– Да, – хмыкнула я вместо испугавшегося Заславского. – Запойная. В третьем поколении. После чего встала и постаралась гордо удалиться.

– Кто бы мог подумать, – более мягким тоном произнес Давыдов мне в спину, – что она...

Я даже не повернулась.

Вернулась к себе и попыталась немного подумать на трезвую голову, пока меня окончательно не развезло. Водка делала свое разрушительное дело постепенно, изменяя сознание до такой степени, что оно могло подружиться с сердцем. А от такого содружества я могла ожидать только неприятностей. Первоначальное впечатление от Давыдова я собралась поменять

в противоположном направлении. Итак, более мерзкого и наглого хама в своей жизни я еще не встречала! Подумал, что может меня купить... Кстати, сумма-то неплохая, мало того, а ведь она очень хорошая.

На что я могла потратить эти деньги?

Во-первых, отдала бы долг за снимаемую квартиру за год вперед. Во-вторых, оплатила бы маме лечение в Ессентуках. В-третьих... Я могла бы приврать, что отдала бы деньги на благотворительность. Но не буду. Это те, кто привык все получать вовремя и в достатке, могут себе позволить жертвовать на храмы. Я бы пожертвовала бабуле на новый дом. Она до сих пор живет в деревне, где воды и электричества никогда в достатке не было. А остальное... Если там еще что-то останется, потрачу на себя – займусь изучением английского языка! Зачем? А чтобы развиваться!

Определенно, обещанное вознаграждение мне необходимо.

– Катерина, что с тобой?!

Ванда Вольфовна всплеснула руками и так ненавязчиво раздвоилась.

– Ты проггла приме подол, несчастная!

– Я сошью ей новое платье, – запинаясь, пробормотала я. Отчего-то так захотелось спать. – Не ругайтесь только, Ванда Вольфовна...

– Чем от тебя несет? Водкой? Этот старый дурак начал тебя спаивать?! Вот я ему покажу!

– Я сама...

– Я покажу тебе сама! С какого перепуга ты напилась?!

Ворча и ругая меня, наставница – разумеется, я прекрасно понимала, что она одна, но видела отчего-то двух – уложила меня спать под вешалками с барахлом, прикрыв сверху плюшевым пледом.

– Не приведи господь, это бесчувственное тело увидит Богомольцев, – причитала она, укрывая меня.

– Я чувственная, – не соглашалась я. – Очень чувственная... А он не верит...

Мне приснился странный сон.

Я, веселая и радостная, бегала по какому-то гарему среди полуголых одалисок. За мной, веселый и радостный, носился Давыдов, разодетый во фрак с бабочкой и брюки с лампасами. Он осыпал меня деньгами, обещая золотые горы, а я игриво показывала ему кукиши. Несомненно, такое свинское поведение не понравилось местным одалискам, и одна из них ловко подставила мне подножку. Я споткнулась, взмахнула кукишами, как гордая птица, и упала на пол, звонко ударившись лбом. После чего сразу проснулась.

– ...Где она? – спрашивал голос Заславского.

– А тебе зачем? Ишь, ирод!

– Вандуся, сколько раз тебе говорить, что она сама взяла мой стакан с водкой и хряпнула его до дна?!

– Не верю!

– Ты не Станиславский, чтобы мне не верить!

Они препирались, стоя рядом с вешалками, совсем близко от меня. Я видела полные ноги Ванды Вольфовны в шелковых чулках. И где она их только берет, такие доисторические? И черные ботинки с черными брюками Заславского. М-да, обувной лоск и блеск явно не его конек. И вдруг я вспомнила о Давыдове! Меня принялось терзать любопытство, куда он делся и на какой стадии переговоров мы с ним остановились!

– ... Уходи и больше не появляйся мне на глаза! – горячилась наставница.

– И уйду! И больше не появлюсь! – кипятился Заславский.

– Стоять, – сказала я и схватила его за ноги.

От неожиданности он подпрыгнул и приземлился Ванде на ногу. Она вскрикнула от боли и врезала ему под дых. Заславский застонал и согнулся в три погибели, благодаря чему увидел меня.

– Привет, – ласково сказала я, глядя на страдальца из своего укрытия.

– Все в порядке, Агнесс-сс? – пробормотал он.

Я кивнула.

Конечно, меня зовут Катерина, а не Агнесс, Агнесс здесь вообще ни при чем. Это была очередная и самая излюбленная прическа Заславского. Фильм-комедия «Свидание вслепую», сцена суда. Судья стучит молотком, тот отлетает и ударяет секретаря суда по голове. Судья участливо спрашивает: «Все в порядке, Агнесс?» Та кивает стукнутой головой, и суд продолжается.

– И что все это значит, Катерина?! – прокричала мне Ванда Вольфовна.

– Дурость, – честно призналась я и вылезла из-под вешалок. – Сама не понимаю, что меня толкнуло...

– Или кто, – многозначительно кивая на Заславского, хмурилась наставница.

– Не-а, – честно призналась я дальше. – Правда-правда, я сама повела себя как идиотка.

– По какой такой причине? – прищурилась Ванда.

– На радостях, – выручил меня Заславский. – Ее наняли играть роль жены!

– Катерина, – обомлела Ванда Вольфовна, – тебя ангажировали?!

– Что, честно? – не поверила я Заславскому. – Он же сказал, что я проблема!

– Он сказал, что ты ему подходишь.

– Не может этого быть! – все еще не верилось мне.

– Однако это так, – хмыкнул Заславский и сунул мне листок. – Это договор. Ознакомься и подпиши.

– Ванда Вольфовна, – закричала я как укушенная комаром, – дайте мне авторучку!

– Ознакомься сначала, дорогуша, – подмигнула мне Ванда.

– Я заранее на все согласна!

– Что это с ней? – не понял Заславский.

– Театр, театр, – вздохнув, пропела Ванда. – Тебе не снился сон подобный...

– Мне не нравится этот пункт, – говорила Ванда и тыкала наманикюрным ногтем в листок с договором. – Почему она должна молчать, отвечая только на задаваемые вопросы? У Катерины что, в замужестве не будет права голоса?

Мы втроем сидели за гладильным столом и рассматривали договор, в котором меня привлекала приятная сумма гонорара.

– Сколько раз говорить, – морщился Заславский, – что это мнимое замужество! Мнимое.

– Сколько раз тебе говорить, что таких девочек, как наша Катерина, не бросают!

– Но он собирается ее бросить, как только она отыграет свою роль.

– Он еще пожалеет о своем опрометчивом решении. Катерина, когда он приползет за тобой на коленях, не смей его прощать!

– Хорошо, не буду, – сразу согласилась я. – Пусть только возьмет меня сначала напрокат.

– И этот пункт как-то не соответствует дружелюбному настрою молодой семейной пары, – не унималась Ванда Вольфовна, во всем видя подвох. – Что значит, они будут спать отдельно?

– Это значит, – объяснял Заславский, – что он будет спать на кровати, а она – на диване, но, возможно, в одной комнате.

– Я не согласна! – возмутилась я.

– Хорошо, – пожал плечами Заславский, – сейчас позвоню, узнаю, захочет ли он спать с тобой, Катерина, в одной постели.

– Я не согласна спать на диване! – уточнила я. – Пусть он на нем спит, а я буду ночевать в постели. Одна.

– Как-то это неправильно, дорогуша, – вздохнула Ванда. – Молодая семья, а начинаете с дележа мебели.

– Это мнимая молодая семья, – не уставал напоминать Заславский. – Мнимая. Все хорошо, прекрасная маркиза...

– Дела идут, и жизнь легка, – радостно допела я. – Пить очень хочется.

– Это с бодуна, – посочувствовал опытный Заславский.

– Потом, – строго сказала Ванда, – сначала разберем договор по косточкам.

– Ночь уже на дворе, – пробурчал Заславский.

– Так сам же сказал, что подпись ему нужна уже утром!

– Давайте, Ванда Вольфовна, мне авторучку!

– Сиди на попе ровно, Катерина, – оборвала она меня. – И не ищи на нее приключений. Мне не нравится и про беспрекословное подчинение!

– Кому я должна подчиняться?

– Господину Давыдову, – развел руками Заславский. – Кому же еще?

– Современная женщина эмансипировалась не для рабской покорности мужчине!

– Вандуся, о чем ты? – недоумевал Заславский.

– О тебе, – в сердцах призналась Ванда Вольфовна. – Это ты, подлец и негодяй, ломал меня под себя, чтобы мое женское естество не мешало твоим адюльтерам.

Заславский принялся уговаривать ее, что он не ломал и адюльтеры себе позволял только в крайних случаях, когда под натиском обезумевших от страсти поклонниц отступать было некуда. Ванда утверждала, что отступать следовало в семью. В это время я сидела и представляла нашу с Давыдовым ячейку общества. Рабская покорность, полное молчание, близость на отдельных кроватях, вернее, полное ее отсутствие. Хорошенький такой брак, ничего не скажешь. Может быть, Ванда права и мне не следует на все это соглашаться? С другой стороны, это всего лишь фиктивный брак. Но в любом браке, пусть даже фиктивном, я должна отстаивать свою гордость.

– ...Ты тоже хороша, Вандуся, – ругался Заславский. – Перепрыгнула из одной постели в другую с проворством озабоченной макаки!

Наверное, приятно, когда тебя любят, рассуждала я, глядя на разгоряченные спором лица. Вот так – неистово, бурно, исступленно и всю жизнь. Интересно, Давыдов способен в принципе на такие высокие чувства? Я в себе уверена на сто процентов, для меня любить и жить – это синонимы.

– ...Ах ты, старый дурак! Нашел когда ревновать! Через сорок лет!

– Любви все возрасты покорны!

(Ну, эту фразу Пушкина вы знаете.)

– Подождите с вашей любовью, – возмутилась я. – Давайте поговорим о моей!

– О чем? – нахмурился Заславский.

– Ты влюбилась, дорогуша? – поразила Ванда.

– Фиктивно. Ну, по идее, я же должна любить своего мужа?

– Сейчас посмотрим в договоре, – сразу успокоилась Ванда и углубилась в чтение. – В договоре об этом ничего не сказано, – резюмировала она через пять минут.

– Вот и хорошо, – вздохнула я с деланным облегчением. – Значит, я ему ничего не должна. Кстати, а сколько он мне должен?

Я продалась к утру, когда сил спорить с Вандой Вольфовной ни у меня, ни у Заславского больше не осталось. Но она неожиданно согласилась, сказав, что учиться лучше на собственных шишках, чем злорадствовать над чужими. Корявым росчерком пера... х-м, авторучки

конечно же, я подписала договор и отдала его Заславскому. Они договорились встретиться с Давыдовым утром у памятника Маяковскому. Иван Сергеевич так и сказал мне:

– Катерина, раз ты все подписала, то приходи ровно в десять, потому что в пять минут одиннадцатого нас уже там не будет, и закорючку ты ставила зря. Давыдов – мужик деловой, у него каждая секунда на учете и приносит деньги. Короче, я тебя предупредил, не вздумай опаздывать. Король – вдовец, я и тебя пристрою.

Последняя фраза из фильма про Золушку, где роль мачехи исполняет великая Фаина Раневская. Собственно, это ее реплика. Заславский за чужим словом в карман не лезет, это уж точно.

Рассуждая над тем, зачем деловому мужику Давыдову понадобилась фиктивная жена, я пошла домой пешком. Обычно все те, кто кидался меня провожать после театра, жутко разочаровывались. Идти приходилось всего пять минут, я жила за поворотом. Специально сняла комнату поблизости, чтобы не опаздывать на работу. Но опаздывала часто, Заславский знал эту мою слабинку, потому и предупредил.

Десять часов должно было стукнуть через пять часов. Выспаться за это время я все равно бы не успела, а вот проспать – наверняка. Я шла по городу, сверкающему новогодней иллюминацией, и радовалась тому, что впервые за много лет могу не спеша ее разглядеть. Отчего-то подумалось, что я многого себя лишала, трудясь в театре на благо режиссера Богомольцева. Он же исполнял роль худрука и директора театра, исполнял скверно, как говорила Ванда Вольфовна, и все время норовил не донести голос до задних рядов, до костюмерного цеха то есть. В этом моем труде тоже чувствовалась какая-то рабская покорность и молчаливое согласие работать на чужого дядю. Хотя вряд ли у него были племянники. Такие вредные личности обычно круглые сироты.

У меня была мечта. Да, у меня была мечта.

Я хотела работать сама на себя, шить в свое удовольствие – то, что хочу и нравится. И чтобы мои модели нравились другим. И чтобы у меня был свой костюмерный цех или хотя бы небольшая мастерская с большой вывеской «Екатерина Гринева». На самом деле у меня бескрайняя фантазия, и название вывески я бы придумала другое, более звучное, чем моя фамилия... Я могла бы нафантазировать много нарядов для выпускных балов, для свадебных торжеств, для золотых юбилеев... Дайте мне иголку в руки, и я переверну этот мир! Но судьба словно посмеялась надо мной – исполнила мамину мечту, дала мне роль и вывела на сцену, о которой я никогда не мечтала. Правда, роль оказалась не фартовой, а фиктивной, да и где находится эта сцена, я знать не знала. И в чем-то чувствовала себя обманутой.

Думая об этом, я перегнулась через перила и посмотрела на бурление речушки. Декабрь стоял теплый, река еще не замерзла. Холодные волны перекачивались, торопя друг друга, толкаясь и переговариваясь, словно спешили на самое главное свидание в своей бурной жизни. И я твердо решила не опаздывать! Кто знает, ведь эти богатые мужики и впрямь двинуты на своих комплексах: для одних опоздание – страшная провинность, для других – жениться, как утопиться, для третьих – рабская покорность – залог крепких семейных отношений.

Дома я достала большой бабушкин чемодан – другого у меня просто не было, переезжала я обычно с картонными коробками – и покидала в него вещи. Затем в десятом часу сварила себе кофе... Ну да. Вещи я собирала долго, разглядывая каждую тряпочку на предмет годности к образу Давыдова. Честно говоря, ни одна не годилась! Все они были мои, дизайнерские, но кто знал дизайнера Екатерину Гринева?! Ванда Вольфовна знала, и она говорила, что у меня в этом ремесле есть будущее. Из ее уст приятно было такое слышать.

Ровно в половину десятого мы с чемоданом втиснулись в лифт.

Через пару секунд двери закрылись и...

...И лифт никуда не поехал!

Люди, если вы куда-то спешите, не пользуйтесь коварным вертикальным транспортом! Ноги – лучшее транспортное средство, поверьте опытной страдальце, напрасно поставившей закорючку в договоре про мнимую жену. А какой там был гонорар! А какие перспективы сотрудничества с богатым холостяком! Стоп. А с чего это я взяла, что Давыдов – холостяк?! Он мне об этом сам не говорил, Заславский тоже ничего про жену не знал. Может быть, это и к лучшему, что я никуда не попала?!

– Катерина, не держи лифт! Езжай уж быстрее! – прокричала мне соседка снизу.

Я всего лишь кнопку первого этажа забыла нажать.

Это судьба, подумалось мне. От нее никуда не деться.

Глава 2

Ни одного печального сюрприза, За исключением пустяка

Возле памятника Маяковскому я была без двух минут десять. Идти по легкому снежному налету было скользко, еле дотащила тяжеленный чемодан! Пару раз пришлось отбиваться от назойливых парней, желающих помочь бедной провинциалке, приехавшей покорять областной город. Как бы не так! Своя ноша не тянет и все такое, сама дотащила. Жаль, что во времена бабулиной молодости к чемоданам не приделывали колесики. Живи я тогда, наверняка бы получила патент на это полезное для человечества изобретение. Или у меня часы отставали, или у Давыдова шли вперед, однако никого из знакомых рядом с собой я не обнаружила. Встала, отдышалась, представила, как попру чемодан с пожитками обратно в съемную квартиру, и чуть не заплакала. Ну надо же такому грандиозному делу провалиться! Пусть теперь Давыдов отыскивает себе другую фиктивную женушку, такую дуру, как я, еще нужно хорошенько поискать!

Я корила себя, нервно оглядываясь по сторонам, словно предчувствовала что-то хорошее. И оно произошло. Ровно в десять на проезжей части передо мной, шипя шипованными шинами, остановился черный «Мерседес». Задняя дверца распахнулась, приглашая меня заглянуть внутрь, но я не стала спешить, чтобы не показывать свое нетерпение. Пусть Давыдов подумает, что я еще сомневаюсь, стоит ли мне погружаться с головой в его сомнительное предприятие.

Но из машины показался не он, а Заславский, разодетый в тот же фрак из нашей театральной мастерской и прочие атрибуты завязанного аристократа.

– Катерина, – прокричал он, – давай запрыгивай быстрее!

Я ему белка, что ли?!

– Здравствуйте, Иван Сергеевич, – чинно поприветствовала я его. – Какое сегодня хорошее зимнее утро!

– Ты что, не выпалась? – опешил Заславский и вышел из машины. – Едешь или нет, я что-то не понял.

А то непонятно, если я стою с чемоданом!

– А-а, у тебя багаж!

Наконец-то, за это время и слепой бы увидел.

– Мишаня, – Заславский обратился к водителю, – погрузи даму в авто! А то я при параде.

С водительского места вылез шкафоподобный бритоголовый парень и с недоумением уставился на мой ободранный, выдавший те еще виды чемодан.

– Второго нет, – заметила я ему.

– И слава богу, – хмыкнул Мишаня и играючи кинул мои пожитки в багажник.

– Дочка, – обратился ко мне Заславский, когда я села рядом, – твой драгоценный муж уже ждет тебя в поместье!

Я чуть не подавилась собственным языком, на котором вертелся вопрос, а куда мы, собственно, едем.

– Я знаю, – продолжал играть свою роль Заславский, – как тебе не терпится с ним воссоединиться!

Громила Мишаня кинул заинтересованный взгляд в зеркало заднего вида. Я ему кровожадно так улыбнулась.

– Они так любят друг друга! Очень любят, – сказал Мишане Заславский. – Не могут друг без друга!

Мишаня еще раз заинтересованно посмотрел на меня, но ответной улыбки ждать не стал, быстро отвел глаза. Ну да, я такая, еще и укусить могу.

– Что вы такое говорите, Иван Сергеевич? – прошептала я, толкая Заславского в бок.

– И тут Остапа понесло, – вздохнул он заговорщически.

Кто не знает, фраза вышла из-под пера блестящего дуэта Ильфа и Петрова. Возможно, не дословно, Заславский любил перевернуть даже шедевры русской литературы.

– Зови меня папой, – попросил Заславский.

– Зачем?

– Так надо.

– Я соглашалась только на жену!

– Я что, забыл тебе рассказать об операции «Прекрасная маркиза»?

– Первый раз о ней слышу, – прошептала я.

– Между прочим, основное действующее лицо здесь я, маркиз Заславский.

– Почему маркиз?

– Граф как-то слишком вычурно звучит, не находишь?

– Я, честно говоря, вообще смысла во всем происходящем пока не нахожу.

– Это явное упущение с моей стороны, – покачал седой головой актер. – Дочка! Сейчас я попрошу Мишаню остановиться, и ты сделаешь свои дела!

Последние слова он сказал достаточно громко, чтобы водитель их услышал.

– Какие такие дела? – прошептала я.

– Маленькие! – торжественно объявил он. – Так спешила, что в туалет забыла забежать. Вот что делает любовь с человеком. Мишань, ты остановись возле тех кустиков.

– Я вас убью, – пообещала я совершенно искренне и снова толкнула Заславского в бок.

– Ща, – ответил Мишаня, не оборачиваясь. – Как только за город выедем, так и остановлю.

Я не понимала, к чему клонил Заславский.

Догадалась только, когда Мишаня остановил автомобиль на заправочной станции, на отшибе которой впритирку друг к другу стояли две покосившиеся туалетные кабинки. В одну вошел Заславский, в другую я.

– Катерина, – сказал Заславский, сторожевым взором оглядывая окрестности из туалетного окошка в виде сердечка, – ты моя дочь!

– Интересно, от кого?

– Катерина, прошу тебя, не лезь в дебри моих личностных отношений с противоположным полом. Я сам в них путаюсь. Ты же знаешь, путеводной звездой мне всегда служила Ванда.

– Где вы встретили мою маму, Заславский?!

– Твоя мама тут совершенно ни при чем.

– Она меня родила!

– Катерина, не тупи. Времени мало. А я должен тебе объяснить азы, остальное расскажет Давыдов на месте представления. Слушай внимательно: ты моя дочь, я маркиз Заславский. Мы оба из благородного дворянского рода, затерянного на просторах Европы. Я в отличие от тебя еще сохранил остатки благородства. С тобой безжалостно обошлась судьба, ты растеряла навыки хорошего тона.

– Что я растеряла?

В туалетной кабинке нестерпимо воняло. Я уже хотела согласиться на все, лишь бы быстрее отсюда выбраться. Но, как говорится, истина дороже.

– Пользоваться ножом и вилок за столом умеешь?

– А то, – обиделась я. – Не все же стаканами водку пью.

– Больше этого не делай, Катя. Давыдов нас нанял не для куража, а для поддержания имиджа.

– Он что, больной?! Не мог найти профессионалов?!

– Катерина, я в отличие от тебя профессионал. А ты ему просто понравилась. Он сказал, что в тебе есть непосредственная стержность, граничащая с дебильностью.

– Что во мне есть?!

Нет, повторять дважды было не нужно, я и так все прекрасно слышала. И я обиделась. Заперлась в кабинке и категорически отказалась из нее выходить. Разумеется, я осознавала, что выбрала неприемлемую для истинной леди форму протеста, но другую просто придумать не смогла.

Мишаня, заправивший своего «мерина» топливом, застал Заславского бегающим возле туалетов.

– Катерина, – твердил мой мнимый папаша, – давай, давай! Сделай это, и сразу почувствуешь облегчение!

– Скоро? – поинтересовался амбал.

В это время я пригнулась, спрятавшись под окошечко, из которого смотрела на мир злющими глазами. Я-то думала, что понравилась Давыдову! А он всего лишь нашел мой характер занятным! И это еще очень-очень мягко сказано. С другой стороны... если он в меня сразу не влюбился, то мне будет легче отыграть роль и вернуться с деньгами обратно. В конце концов, я в выигрыше. Нет, ну надо же так сказать о такой творчески окрыленной невинности, как я! Дебильская непосредственность! Ха, я ему скажу, что он сам такой. Кстати, нужно будет подумать над этим на досуге. Интересно, сколько еще ехать до этого поместья? Последнюю фразу я сказала вслух, открывая дверь кабинки, находиться в которой больше не хватало никаких протестных сил.

– Тридцать минут ехать, если тащиться на сотне км/ч, – как-то подозрительно ответил мне Мишаня, разглядывая мой безупречный вид.

– Вот и хорошо, – обрадовалась я свободному времени.

И мы поехали дальше, лоя лобовым стеклом кружившиеся снежинки.

Мы сидели с Заславским, как два настоящих разведчика, попавших в сложную международную обстановку, прямо в самое пекло политических интриг закормленного Запада, глумящегося над доверчивым Востоком. Время от времени Иван Сергеевич говорил двойственные по смыслу фразы, стараясь подготовить меня к очередному сюрпризу. Судя по всему, он сам знал не много, но все же гораздо больше меня.

– Это так по-современному, – рассуждал «папаша», – когда молодежь знакомится с родителями после года совместного проживания под одной крышей.

Ага, сделала я вывод – меня везут с кем-то знакомиться.

– Свекровь свекрови рознь, – продолжал разглагольствовать Иван Сергеевич. – Иной раз родные матери бывают хуже добрых мачех.

Понятно, едем к свекрови. К моей свекрови?! К кому?!

– Стерпится-слюбится, как говорится...

Как-то не так я представляла свою первую встречу со свекровью. Честно говоря, я ее вообще не представляла, собираясь в один прекрасный момент выйти замуж за круглого сироту. Наслушавшись рассказов подруг о бесчеловечных отношениях между этими двумя антагонистами – свекровью и невесткой, я и в брак-то кидаться не спешила.

И вот как отомстила мне судьба – подкинула фиктивное замужество. И как бы не замужество вовсе, а так, одно название. Во всем этом деле были две приятности: Давыдов и гонопар. Они находились на воображаемой чаше весов, и кто-то из них постоянно перевешивал, нарушая баланс и равновесие сил.

Я решила абстрагироваться от понятий «невестка», «свекровь», «папаша», «муж»...

Нет, последнее время мне нравилось, представлять Давыдова в образе мужа. За это можно было зацепиться утомленному загадками сознанию, чтобы продержаться нужное количество времени...

– А сколько, кстати, мы там пробудем?

– В договоре, который ты подписала, значилась неделя, – прошептал мне на ухо Заславский.

– Вот и славно, – пропела я, – трам-пам-пам!

Неделя – это всего лишь семь дней, которые пролетят незаметно, потому что рядом со мной будет мачо Давыдов. Безусловно, я не собиралась в него влюбляться дальше и больше, мне хватало и того, что я уже к нему чувствовала. Стопором служила фраза про то, чем я конкретно его зацепила. Ага, про стервозность, дебилность и прочие прелести моего характера. Мужчины они такие... мужчины!

– Дочка, – сказал Заславский, когда вдали на холме среди снегов показался громадный дом в стиле псевдорусского терема, – помнишь наш спектакль «Квазиопа»?

Помнила ли я «Квазиопу»?!. Еще бы. Для него я сшила первый сценический костюм! Балахон в лохмотьях!

– Так вот у него была жена...

Дальше можно было не продолжать. Жена Квазиопы была глухонемая. Играть ее никто не соглашался, потому Богомольцев сделал ее роль со словами. В процессе общения с мужем и его родственниками она мычала.

– Мы-мы-мы-мы...

Мило, ничего не скажешь, так вот что мне уготовил Давыдов. И во мне еще сильнее стало зреть и шириться зародившееся после встречи с ним чувство протеста.

Я не думала, что он кинется нас встречать с распростертыми объятиями. Но хотя бы мог выйти на резное крыльцо и поднять бровь, чтобы как-то отреагировать на мое появление. Ничего другого, тем более помпезного, я и не ждала. Вместо этого Мишаня выудил мой чемодан из багажника и поставил его на заснеженные ступеньки крыльца.

– Гостевые комнаты на втором этаже, – бросил он, залез обратно в машину и уехал в сторону строения, напоминающего гараж.

Обходительные здесь люди! Гостеприимные, однако.

– Ничего, Катюша, прорвемся, – процитировал неизвестного мне героя Заславский и пошел в дом.

Тащить чемодан, разумеется, пришлось мне самой.

А такое на первый взгляд богатое поместье! Не абы какие шесть соток, а настоящий господский рай: луга, поля, по кромке леса – озеро. И все в снегу. Только крепостных не хватало, обрабатывающих пахотные земли. Впрочем, за них всех, как поняла, отдуваться придется мне. А я-то собиралась покорять аборигенов неземной красотой и дизайнерскими нарядами! Ау, люди, где вы?

– Как-то пустынно у них, Катерина, – сказал Заславский, заходя в просторные сени. – Калиброванное бревно, – он с нежностью дотронулся до стены и втянул запах дерева. – Дышится легко и приятно, не то что в наших каменных джунглях.

Холл, он же сени, был обставлен добротной деревянной мебелью, судя по всему, сделанной на заказ. Лавки, покрытые бархатистыми коврами ручной работы, стояли вдоль стен, чередуясь между небольшими шкапами с филенчатыми украшениями. Посредине холла стоял круглый дубовый стол, увенчанный вазой с цветами. Мы присели с Заславским на лавку и переглянулись. Подниматься по широкой лестнице с витыми балясинами в гостевые комнаты самим как-то не хотелось. А трехэтажный особняк словно вымер, лишь только мы приехали.

– Должна же здесь быть кухня, – глубокомысленно заметил Заславский и встал.

Он принялся ходить, поочередно открывая двери, ведущие из холла в другие помещения, и принюхиваться к ароматным запахам.

– Или я потерял нюх, – заявил он через пять минут напряженного поиска, – или они здесь не едят!

Лишнее подтверждение тому, что нас не ждали.

Что ж, мы с ним наемные работники всего лишь. Но неужели готовить придется мне?! А Заславскому что, нужно будет встать у входа и открывать дверь посторонним? Хорошенькое дело, вернее, в хорошенькое дельце втянул нас Давыдов!

– Все в порядке, Агнесс? – поинтересовался Заславский, глядя на мое удрученное тяжелыми думами лицо.

– Угу, – угукнула я. – Мне кажется, что у нас были времена и похуже.

Вообще-то это реплика героини фильма «За бортом», но сейчас она была как нельзя кстати. Собственно, мы собирались не остаться за бортом и выплыть, по мере возможности, к людям. Хотелось бы, конечно, к нормальным и адекватным.

В этом я очень засомневалась, когда первый из обитателей особняка появился на пороге.

– Вы кто? – спросил тощий, нескладный, но довольно высокий парень, глядя на нас с Заславским.

– Люди, – на всякий случай, если он плохо видит сквозь свои очки, уточнила я.

– Какие? – напрягся парень и пятерней зачесал назад длинную белобрысую челку.

Я пригляделась и заметила у него волосы, собранные сзади в куцый хвостик. Отчего-то, когда я смотрю на подобные прически, возникает стойкое желание взять ножницы и отрезать это непотребство. Еле сдерживаюсь, вот честно.

– Человеческие, – отрезала я.

Нечего выспрашивать то, что мы сами не знаем. Кто мы здесь? Кто мы, об этом может сказать Давыдов.

– А почему на лавке сидите? – парень решил сменить тему.

Но ему это не помогло, потому что мое настроение перенастроилось на отвратительное.

– Предлагаешь сидеть на полу?!

– Добрый день, уважаемый господин... пардон, мы не были представлены друг другу! – Заславский ринулся спасать разговор.

– Племянник я, – несколько взволнованно отреагировал парень, снял очки и принялся краем хлопчатобумажной рубашки протирать стекла.

– ...Господин племянник, – завершил фразу после очередного вопроса заходивший в тупик Заславский и задумался. – Чей?

– Ихний, – парень кивнул наверх. – Внучатый и троюродный.

– Вот и познакомились, – хмыкнула я. – А где твое «Добро пожаловать, гости дорогие»?!

Я сама не поняла, отчего начала ему дерзить. Видимо, сказывалось напряжение сегодняшнего дня.

– Добро пожаловать, гости дорогие, – пробубнил племянник и устался на мой чемодан. – А вы к кому?

– Какой любознательный молодой человек! – откликнулся Заславский. – Мы, дорогой друг, приехали к господину Давыдову.

– А-а-а, – испугался племянник.

Точно-точно – испугался!

– А-а-а, так к нему – в другой дом! Я провожу.

И быстро, словно спешил от нас избавиться, пошел к выходу.

– Э-э-э-эй, племяш! – окликнула я его. – Чемоданчик мой прихвати!

Сгибаясь под тяжестью моих шмоток, племянник повел нас по дорожке из красной плитки, обрамленной небольшими сугробами, через двор в малоприметный двухэтажный дом.

Шли мы до него минут семь, восхищаясь ухоженностью территории. Племянник принимал близко к сердцу наши дифирамбы, словно непосредственно участвовал в процессе очищения поместья. И на каждый комплимент восхитительной действительности говорил «спасибо». Безусловно, ухоженность поместья мне понравилась, я знала, какой это адский труд, не раз и не два чистила двор от снега у бабули в деревне. Так что щедро раздавала похвалу, чем заслужила странное благоволение со стороны внучатого племянника. Подведя нас к дому, он внезапно повернулся ко мне и крепко пожал руку. После чего собрался возвращаться в особняк.

– Чемоданчик-то оставь, – на всякий случай напомнила ему я.

– Он с ним почти сроднился, – многозначительно заметил вслед удалявшемуся племяншу Заславский. – Странный парень, сразу видно, что не сноб.

– Простецкий такой племян, – согласилась я с ним. – Мы с ним подружимся.

– Интересно, есть здесь кто-то еще, кроме этой невинной души?

Возле небольшой беседки нас встречал Давыдов. Он так изумленно посмотрел на меня, словно я шествовала за Заславским полностью раздетая и нисколько этого не стеснялась. Сравнить с ни с чем мой брючный костюмчик цвета молодой пробивающейся травы и изумрудных оттенков дубленку было верхом неприличия. Яркая зелень всегда выгодно оттеняла мои рыжие волосы длиной до плеч и лицо с мелкими, едва заметными веснушками. А уж как она смотрелась вкупе с моими зелеными глазами – словами не передать. Так что я могла с чистой совестью обидеться на Давыдова, развернуться и уйти. Но вспомнила о чемодане и решила, что с такой тяжестью путь домой я сегодня не осилю.

– Добрый день, Иван Сергеевич! – вышел навстречу Давыдов и пожал Заславскому руку.

– И вам не хворать, Артур Олегович! – радостно ответил Заславский и принялся трясти руку Давыдова.

Я тоскливо подумала, что от переизбыточного рвения он ее сейчас оторвет и мне придется довольствоваться одноруким объектом любви. Я не идолопоклонница, нет. Но в моих чувствах к Давыдову – и откуда они только взялись – проглядывала нездоровая привязанность язычника. При этой мысли отчего-то вспомнился французский поцелуй...

– ... очень хорошо, что вы приехали, – продолжал Давыдов, отцепляясь от Заславского.

Как будто мы могли не приехать за такими деньгами! Ха! Смешно.

– ...до ужина еще много времени, я успею вас, Иван Сергеевич, посвятить в нюансы нашего дела.

А меня посвящать он не собирался?! Давыдов вообще старательно избегал встречаться со мной глазами и общался исключительно с Заславским. Приехали, как говорится! И что бы это значило? Радовало одно – Артур Олегович, которого я из вредности решила звать просто Арчи, жена ведь, не чужая женщина, схватил мой чемодан, словно пушинку, и понес в дом. На втором этаже нам были отведены гостевые комнаты. Оказалось, Мишаня, есть же такие тупые люди, перепутал коттедж. Вместо господского дома мы должны были поселиться в гостевом флигеле. Хорош же был этот флигель, такой же добротен обставленный, только более уютный. Мне никогда не нравились хоромы, напоминающие дворцы, в которых можно запутаться не только темной ночью, но и светлым днем.

Комната, куда Давыдов принес мой чемодан, показалась раем. В ней было много горшечных цветов, света и тепла. И, конечно, вся мебель была деревянная! Засилье дерева в этом поместье отчего-то не казалось мне странным и давящим. Наоборот, лучше дышалось и ощущалось единение с природой. Так и думалось, что сейчас в окно заглянет белка с высокой сосны, где у нее оборудовано дупло.

– Располагайся, Катя.

Вот так просто, без комплиментов, без эмоций, практически мимоходом сказал Давыдов. Мило, ничего не скажешь. Разве только...

– Спасибо, Арчи, дорогой!

Все-таки опыт околотеатрального существования иногда бывает очень полезным.

– Что?! – поразился Давыдов.

– Я полагаю, – церемонно начала я, садясь в высокое деревянное кресло с медвежьими мордами на подлокотниках, – мы должны общаться как близкие люди.

Ни дать ни взять кресло-трон. А я тут царица. А Давыдов... А кем бы я его ни назначила, он все равно не согласится.

– Безусловно, – прищурился он. – Но только на людях. Так меня зовут Артур Оле...

– Нет, так не пойдет, Арчи, дорогой. Я могу перепутать. И что люди подумают? А вдруг они узнают правду?

– За шантаж, госпожа Гринева, последуют нехилые штрафные санкции!

О, он выглядел умопомрачительно в своем отутюженном строгом сером костюме! Такой злой и неприступный, словно водопад Виктория, грозящий снести со своего пути всех несогласных. Впрочем, в этом году, говорят, водопад первый раз за все время своего существования замерз и застыл мраморным изваянием. Не знаю, не проверяла, но зрелище впечатляющее. В нашем лесу тоже кто-то бессмертный сдох, раз я наконец-то влюбилась.

Отчего мне так нравятся brutальные и злющие мужчины, понять не могу. Наверное, потому что глаза у них сразу становятся цвета грозового неба, губы сжимаются, как два берега одной высохшей реки, ноздри начинают раздуваться как у необъезженных жеребцов... Красиво.

– Все равно, – отчеканила я, укладывая ногу на ногу. Так он сидел в гримерке Заславского. – Буду звать вас Арчи.

– Хорошо, – неожиданно согласился он, – договорились.

Развернулся и вышел.

Только я вдохнула полной грудью воздух, чтобы восстановить равновесие мозгов и сердечных импульсов, как дверь распахнулась снова.

– Опять вы?! – удивилась я.

– Не рады, значит, – прищурился Давыдов.

– А почему я должна радоваться?

– Входите в роль, Кэт!

– Кэт?!

– Кэт.

– Мне не нравится эта кошачья кличка.

– А мне не нравится Арчи.

– Хорошо, – неожиданно согласилась я, – договорились!

– О чем?

Все-таки я произвожу на него неизгладимое впечатление, если он не понимает таких мелочей.

– Договорились о том, что вы Арчи, а я Кэт.

– Ладно, – бросил он и исчез за дверью.

– Как-то мы не договорили, – пробормотала я, снимая дубленку.

Под ней у меня была надета легкая рыженькая блузочка. Ну да, с красной помадой на губах я тот еще светофор. Но помадой я пользовалась исключительно цвета терракот, так что придраться было не к чему. С другой стороны, дизайнер тот же художник, у него свое видение прекрасного. Если для кого-то серый цвет глаз и одежды наиболее подходящий, то для себя я выбираю яркие оттенки, чтобы разнообразить свою тусклую личную жизнь.

Я встала и принялась разбирать чемодан с вещами. Достала все содержимое и начала развешивать на вешалки в шкаф, попутно прикладывая тряпочки к телу и любуясь на себя в зеркало, висевшее посередине шкафа. Кстати, довольно примитивная мебелировка для солидного

особнячка. В этот важный вечер знакомства с будущей свекровью... или уже состоявшейся свекровью, не разберешься с этим Арчи, чего он хочет на самом деле... я собиралась блистать. Приготовила красное вечернее платье в пол с блестками. У него был еще такой глубокий вырез на спине... Не моя идея, но эффектное платье.

– Не надевайте его, Кэт! – раздался позади меня голос фиктивного мужа. – Вы не в кабаре пришли выступать.

Я резко повернулась к входной двери, но Давыдов стоял возле другого входа. А я думала, что эта дверь ведет в ванную комнату.

– Э-э-э-э, – сказала я.

– Наши комнаты смежные, – заявил Давыдов. – За этой дверью, – и он показал на ту, через которую вошел, – моя спальня и ванная комната.

– Одна на двоих?!

– Перечитайте контракт, – сухо сказал Давыдов, подходя к шкафу с моими вещами. – Там все обстоятельно описано. Все, что от вас требуется, и все, что вам предоставляется. Это не годится, – он отбросил мой самый лучший сарафан. – Слишком коротко! Это тоже спрячьте...

– Еще чего! – возмутилась я. – С какой стати вы здесь командуете?! Что хочу, то и ношу. А если считаете мой вкус дурным, то я могу развернуться и уехать. Ищите себе мисс безупречность!

– Не кипятитесь, Кэт, – неожиданно мягко сказал Давыдов. – Это всего лишь игра. Повторяйте себе всякий раз, когда начнете со мной не соглашаться, что это всего лишь игра. И у нее есть свои правила, которые нельзя нарушать.

– И эти правила придумали вы.

– Кто банкует, тот и придумывает правила, Кэт. Это жизнь, а она частенько бывает несправедлива и жестока. Наденьте эту блузку к вашим зеленым брюкам.

Хорошо, что я захватила ворох одежды. Но белую блузку к зеленым брюкам! Какой же он сухарь, этот Артур Олегович Давыдов.

– И спускайтесь на перекус.

О, меня наконец-то покормят. Ради этого я была готова надеть на себя даже дырявый балахон. Ведь как все нормальные девушки, когда я волновалась, то часто ела, бывало, что ела много. Бабуля всегда удивлялась, как в меня столько влезало. На этот раз, конечно, я должна была проявлять выдержку. Но хотя бы выпить чаю я могла.

Чай устроились пить в просторной столовой. Когда я пришла, он уже сидел там, переодетый в белую майку поло с длинным рукавом и черные брюки. Погода стояла сказочная – с морозными узорами на стекле, до Нового года оставались считанные дни, и природа баловала нас солнцем и снегом. Я похвалила себя за то, что предугадала привычки Давыдова строить из себя сноба, переодевавшегося по сто раз на дню. Не зря я тащила свои пожитки, ох не зря. Одними джинсами с блузками мне здесь не обойтись.

Рядом с Давыдовым за круглым столом высился обласованный Заславский. После дороги он выглядел помятым, но успел принять душ и вылить на себя флакон дешевой туалетной воды. Давыдов морщился, но молчал. Зато я тихо злорадствовала.

– Присаживайся, Кэт.

О, мы уже перешли на «ты»? А если я не согласна?

Согласна, сказала я себе, смотри пункт такой-то в правилах игры.

И плюхнулась рядом с Заславским.

– Твое место, Кэт, – прищурился Давыдов, – рядом со мной. Привыкай.

– Я боюсь, – честно призналась, между прочим.

– Чего? – удивился Давыдов.

– Боюсь, что привыкну, и потом меня будет от вас не отодрать!

– Ничего, – усмехнулся он довольно, – я как-нибудь от тебя избавлюсь.

– Дети мои! – разрядил обстановку Заславский. – Давайте выпьем за нашу встречу! Чаю, – растерянно добавил он, оглядывая стол. – Но на брудершафт!

– Оригинальный вы человек, – хмыкнул Давыдов.

– А то, – заступилась я за актера. – Мы все тут оригинальные, потому и собрались в игры играть. Кстати, а как играть-то будем? С правилами вроде как ознакомлены, а сама суть так и осталась непонятной.

– Ладно, – сказал Давыдов, – сейчас я все вам поясню.

И огляделся по сторонам.

Кругом гостевого дома стояла звенящая морозная тишина, спокойная и умиротворенная, а мы сидели и слушали зловещие планы Давыдова, оказавшегося наследником этого богатого поместья. Слушали и ничего толком не понимали. Мы-то с Заславским ему для чего?

Суть дела оказалась банальна до невозможности.

Артур Олегович Давыдов являлся близким родственником богатого промышленника Олега Васильевича Давыдова, как признался сам Арчи. Я домыслила, сопоставив имена, отчества и фамилии, что он был его сыном. Зачем скрывать очевидное? Но, видимо, уж таков Арчи – в детстве не наигрался, перенес свою любовь к головоломкам в зрелую жизнь. Так вот. Год назад богатый семидесятилетний промышленник скончался, оставив после себя нехилое наследство. Капиталы, как я поняла, наследники поделили без проблем. А вот поместье стало камнем преткновения в наследственном споре. Что и к чему, Давыдов, разумеется, нам объяснить не стал. Сказал только, что мы – тесть и жена – нужны ему для того, чтобы представить перед мачехой, вдовой отца, полнокровно текущую жизнь. При этом тесть должен сыграть роль одухотворенного благородного дворянина, а я, то есть жена, обязана показать талант молчаливой и послушной супруги. Еще, как намекнул Давыдов, было бы неплохо сочинить про подрастающее потомство. С мачехой он не виделся лет пять, так что потомство можно представить максимум из четырех невинных душ. Зачем ему все это понадобилось, мне было непонятно. Но раз я жена молчаливая и во всем согласная со своим мужем, так и быть, свой вопрос озвучивать не стала.

Я уминала пирожные одно за другим, выслушивая лекцию о правильном поведении в присутствии злой мачехи. Но сколько ни пыталась представить Давыдова обиженной сиротой, никак не могла этого сделать. Это что ж за мачеха должна быть, чтобы скрутить в бараний рог такого сурового brutального парня?! Впрочем, до вечера оставалось немного времени, что грозило мне нелегким испытанием.

Почему? Да потому что молчать я вряд ли смогу.

Нет, конечно, я не болтушка. Могу днями молчать и разговаривать только с собой и то мысленно. Но это другой случай! Здесь задета моя гордость. А за нее часто заступается... нет, не мозг, как бы вы могли опрометчиво подумать, а вредность. Вот она-то и толкает меня на безумные поступки. Пример? Пожалуйста! Не удостоил меня должным вниманием Давыдов при первой встрече и что? А то, что я согласилась сыграть роль его жены за определенное вознаграждение. Согласилась сыграть роль! Подумать только! А ведь я нисколько не актриса. И провалюсь на первом же спектакле.

Что мне за это будет? Ничего. То есть фактическое ничего от обговоренного гонорара. Это плохо. Тогда придется молчать. Замкнутый круг, тупик, из которого выход только один – смерть. Чья? Чья-нибудь, хоть бы старушкина. Вот тогда бы я проявилась в полную силу певческого таланта – поголосила. Но, судя по всему, умирать раньше времени никто не собирался. И я решила набить рот орешками, жевать их для того, чтобы дольше молчать. Как хорошо, что мама приучила меня не разговаривать с набитым ртом!

Я пересыпала из вазочки орешки к себе в сумочку, на что Давыдов отреагировал довольно странным взглядом. Я улыбнулась ему, мол, держись, ничего страшного, я промолчу! Скажу «мы-мы-мы-мы», когда толкнешь меня в бок. Вроде бы роль со словами, а вреда от меня никакого.

– Кстати, – сказала я после этой мысли. – Арчи, вы станете меня толкать в бок всякий раз, когда потребуется выразить мое мнение?

– Твое мнение никого не будет интересовать, Кэт, – нагло заявил мой работодатель.

– Вообще никого?!

– Вообще никого! – отрезал он высокомерно.

Сноб! Из тех, кто даже не задумывается над тем, а есть ли жизнь за МКАДом. Кроме как возле него, нигде больше жизни нет. Остальные люди – инопланетяне, которые должны молчать в его присутствии. И чем он меня только зацепил?! Вот этим – своей ненормальностью и зацепил, мимо любого нормального парня я бы прошла не оглядываясь.

– Все хорошо, прекрасная маркиза... м-да, могу ли я, – покорно вставил Заславский, – вечером прочитать монолог мятущейся души из спектакля о короле Артуре?

О, Заславский заранее был на все согласен!

– Можете, – кивнул Давыдов. – О короле Артуре будет как раз по теме.

Да у мужика мания величия!

В таком случае, ему следует обратиться к медикам. Впрочем, какое мне дело до его душевного состояния? Отыграю спектакль и уеду с крупной суммой. Что я, промолчать не смогу? Не смогу! Если меня заденут... Где мои орешки?

– Белка, – усмехнулся Давыдов.

– Где?! – обрадовалась я, собираясь увидеть хоть одну незамутненную коварством особь.

– Сидит напротив меня, – заявил Давыдов.

Это он говорил про меня. Мило, что тут скажешь.

– Любишь? – и кивнул мне.

– Кого?! – испугалась я, схватившись за свои щеки, полные орехов.

Ванда Вольфовна часто повторяла, что все эмоции у меня написаны на лице. Неужели и на этот раз отразилась неприкрытая гамма моих трепетных чувств к Давыдову?! Правда, сегодня они перемешались с недоверием, неверием и прочей ерундой, свойственной для влюбленной девушки.

– Орехи любишь? – уточнил он.

Фу-у-у! Я закатила глаза к потолку беседки. Чуть не поймал! Действительно, нужно быть осторожной и лучше лишний раз промолчать. Что я и сделала, едва ему кивнув.

Давыдов тут же переключился на Заславского. И у них потекла неспешная беседа двух философов, озабоченных поиском смысла жизни на земле. Мне бы их проблемы!

И как будто у них не было других проблем!

А если он сам уколошил своего отца?!

А если он собирается так же расправиться со своей мачехой?!

А если его разыскивает международная полиция?!

О, я же ничего о нем не знаю!

Только полная идиотка без мозгов может влюбиться с первого взгляда.

С этим нужно что-то делать.

Я подошла к окну и посмотрела вниз, прыгать со второго этажа как-то расхотелось. Снега было недостаточно много, чтобы избежать неприятных последствий. Но я понимала, что должна что-то предпринять, чтобы оказаться случайной, а не нанятой соучастницей будущего преступления. Я чувствовала, что такой необыкновенный мужчина, как Давыдов, появляется в жизни девушки не зря, а с намерениями. И не всегда они бывают чистыми! Как хорошо, что я вовремя засомневалась.

– Привет от Михал Иваныча! – ко мне без стука, вот уж привычка у мужчин, вошел Заславский в строгом черном костюме.

Кстати, приветственная фраза – из фильма «Бриллиантовая рука». Там как раз один бандит собирался увезти честного человека в неизвестном направлении!

– Готова? О! Катюха, ты божественно хороша!

– Правда?! – обрадовалась я. Доброе слово и мне приятно, и еще как. Я прямо растаяла от комплимента умного опытного мужчины. – Ничего выгляжу? – еще раз напросилась.

– Обворожительно! Король – вдовец, я и тебя пристрою!

(Ну, с этой фразой вы уже знакомы.)

– Тогда пойдете, Иван Сергеевич, – я взяла его под руку.

– Катерина, дочь наша! Ты обязана звать меня папой. А еще лучше – любимым папенькой.

– Папики в наше время у девочек с чем-то другим ассоциируются, – хихикнула я. – Но хорошо, я стану звать вас папой.

– С попой только не перепутай.

Иногда Заславский очень плоско шутил, видно, потому и пользовался заимствованиями.

– На сцену, господин Заславский! Ой. На сцену, папа! На сцену, господин маркиз!

– Вот это другое дело. Вот это правильно.

Встреча поколений происходила в гостиной хозяйского особняка, правда, я так и не поняла, кто являлся истинным владельцем поместья. С другой стороны, мне было без разницы, владел ли им Давыдов или старуха...

Когда я вошла в просторную светлую комнату в псевдорусском стиле, то потеряла дар речи. Не сразу, а постепенно. Посредине зала стояла сверкающая елка, на которой висели одинаковые игрушки, конверты и конфеты. Такая дизайнерская елка, где все одинаково блестит и переливается, радуя привычный офисный глаз. Редкая мишура разбавляла строгую тональность новогоднего дерева. А стоявший под ним придурочного вида Санта-Клаус в коротких красных штанишках и курточке до пупка добавлял общей картине карикатурности. Впрочем, поразила я не этому, а другому.

Она стояла у окна и смотрела вдаль. Когда мы с Заславским зашли, госпожа Давыдова медленно повернула голову, увенчанную пучком густых светлых волос, и посмотрела пронзительными синими глазами. У нее линзы, сразу подумала я. Не может быть естественным такой изумительный цвет глаз! Конечно, она носит линзы, в ее-то возрасте зрение явно не стопроцентное. Впрочем, о точном возрасте госпожи Давыдовой говорить не приходилось. Разве что путаться в датах рождения, вычисляя, насколько она выглядит моложе истинной. Артур говорил раньше, что его мачехе за шестьдесят. Я и представить не могла, что женщина за шестьдесят может так хорошо выглядеть!

Мне нечего было терять, кроме своего гонорара, так что я продолжала ее бесцеремонно разглядывать, пока она жестом не указала мне место за столом. Итак, мадам Давыдовой на вид чуть больше сорока. И она это прекрасно осознает, держится истинной королевой. Высокая, стройная, в облегающем черном вечернем платье, магнетически прекрасная – такая была мачеха моего мнимого мужа. Ко всем внешним ее достоинствам я предположила ум, что меня несколько испугало. Вдруг она догадается о наших настоящих отношениях?! Вернее, об их полном отсутствии.

Я поискала глазами Давыдова. В комнате его не было! Что бы это значило? Бросил нас с Заславским на вражеские баррикады... Или она не враг ему? Тогда почему он ей врет про нас? Сплошные вопросы и ни одного ответа.

– Как устроились? – с холодной улыбкой поинтересовалась в пространство Давыдова.

– Спасибо, миледи, прекрасно! – встрепенулся Заславский, тоже, видимо, опешивший от неземной красоты хозяйки поместья.

То, что она являлась хозяйкой, я уже не сомневалась. Я могла поверить, что такой красавице отец Давыдова оставил все на этом свете, отправившись на тот. Но что тогда хотел Давыдов?!

В любом случае, я точно знала, что он хотел, чтобы мы с Заславским сыграли свои роли.

– Да, папа, – сказала я елейным голоском, – здесь так восхитительно! Кругом дубы!

И сразу почувствовала, что последняя фраза прозвучала как-то двусмысленно. Словно я призывала Давыдову, такую тупую-раступую, увидеть, что ее обманывали.

– Я рада, что вам понравилось, – ответила она и провела рукой по накрытому как на роту солдат столу. – Угощайтесь сами, прислуги в моем доме нет.

Ага! В ее доме, значит, Давыдов здесь ни при чем. Кстати, где же он?

– Спасибо, господи! – радостно ответил Заславский, пододвигая к себе блюдо с фаршированной щукой.

Реплика главного героя спектакля «Тетка Чарлея», когда он падает на пол, усаживаясь мимо стула. Но вроде я об этом уже говорила. Иногда я буду повторяться, чтобы вы окончательно не запутались в его цитатах.

Давыдова удивленно посмотрела на него, но промолчала.

– К-хе, к-хе, – сказала я. – Извините, но нас не представили друг другу.

– Неужели? – снова удивилась Давыдова.

Да, ее день сегодня полон сюрпризов, мстительно подумала я. Нет, все-таки обидно, когда о знакомстве с тобой не помнят.

– Вы Екатерина Давыдова, я знаю. Артур о вас говорил.

Ее глаза выражали такую рассеянность, что я решила, дамочка сидит на наркоте или пригоршнями глотает успокоительное. Еще бы! Я ее понимала. Приехал пасынок и заявил свои права на такой домище. Я б, наверное, тоже расстроилась.

– А вы Иван Сергеевич Заславский...

Заславский собирался соврать, но эта информация приперла его к стенке.

– Да, – гордо заявил он. – Я отец этой юной леди! И еще я маркиз!

– Кто?

Да-да, сегодня был явно не ее день.

– Маркиз, – менее уверенно заявил Заславский, поправляя бабочку на воротничке белой сорочки. – И брюки превращаются, – ляпнул он не к месту, чтобы разрядить обстановку, – в элегантные шорты!

Реплика из фильма «Бриллиантовая рука».

И даже положенную паузу выдержал. Смешно получилось, но отчего-то улыбнулась только я.

– Давыдова Фаина Борисовна, – бросила хозяйка нам небрежно и чинно уселась за стол напротив нас.

– Весьма приятно познакомиться, – сказал мой «папочка» и потянулся за салатом.

– А где же... – начала я и замолчала.

Хотела поинтересоваться, где же Давыдов, но вовремя поняла, что вопрос глупый. Если я его жена, то должна об этом знать.

– Да, – схватила самую суть Фаина Борисовна, – где же наши мужчины?

Наши мужчины?! Так их еще несколько?!

Теперь сюрпризы сыпались на меня.

– Поразительно, поразительно, – прожевав, воскликнул Заславский. – У вас, Фаина Борисовна, золотые руки! Приготовить такую изысканную фаршированную щуку может далеко не каждый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.